

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОКАЗАНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ ОРГАНАМИ ОГПУ-НКВД

Аннотация.

Актуальность и цели. Произошедшая после распада СССР «архивная революция» в России и других странах постсоветского пространства открыла для историков возможность использовать в своих исследованиях следственные показания, полученные органами ОГПУ-НКВД. В последующие десятилетия полученные органами ОГПУ-НКВД следственные показания активно вводились в научный оборот, использовались при написании научных работ. Несмотря на это методика проверки достоверности следственных показаний до сих пор остается весьма слабо разработанной. Целью настоящей статьи является критический обзор встречающихся в современной историографии подходов к использованию следственных показаний сталинской эпохи, а также формулировка базовой методики проверки достоверности данного вида источников.

Материалы и методы. В настоящей статье дается критический обзор представленных в современной историографии основных подходов к использованию следственных материалов сталинского периода. Для решения этой задачи проведено сплошное исследование вышедших в 1990-х – 2010-х гг. публикаций материалов следственных дел сталинской эпохи, профильной научной литературы, вышедшей в России и других странах постсоветского пространства.

Результаты. В статье продемонстрирована эволюция отношения исследователей к следственным показаниям ОГПУ-НКВД. В 1990-х гг. к следственным показаниям относились исключительно как к фальсификату, однако уже в начале 2000-х гг. историки убедились, что этот вид источников обладает уникальным информационным потенциалом. В статье показано, что к настоящему времени следственные показания сталинской эпохи широко используются как отечественными, так и зарубежными историками; однако методики работы с данным видом источников остаются не проясненными. В статье рассмотрены основные методологические подходы к работе со следственными показаниями, даны базовые рекомендации по методике проверки достоверности данного вида источников.

Выводы. Проверка достоверности полученных органами ОГПУ-НКВД следственных показаний – трудоемкая, но решаемая задача. Подвергнув следственные показания сталинского периода источниковедческой критике, исследователь может обнаружить немало ценных свидетельств, отсутствующих в других видах источников.

Ключевые слова: следственные дела, НКВД, ОГПУ, источниковедение.

A. R. Dyukov

**ON THE ISSUE OF ACCEPTABILITY OF USING
THE INVESTIGATIVE TESTIMONY OBTAINED BY OGPU-NKVD****Abstract.**

Background. The “archival revolution” in Russia and other countries of the post-Soviet space that occurred after the collapse of the USSR opened up the possibility for historians to use investigative testimonies obtained by OGPU-NKVD bodies in their investigations. In the following decades, the investigative testimonies obtained by the OGPU-NKVD bodies were actively introduced into scientific circulation, used in writing of scientific works. Despite this, the method of verifying the credibility of the investigative evidence is still very poorly developed. The purpose of this article is to provide a critical overview of the approaches to using the investigative testimony of the Stalin era in modern historiography, as well as to formulate a basic methodology for verifying the credibility of this type of sources.

Materials and methods. The article provides a critical overview of main approaches to using investigative materials from the Stalin period presented in modern historiography. To solve this problem, a continuous study was conducted in the 1990s – 2010s analyzing publications of investigative cases’ materials of the Stalin era, specialized scientific literature published in Russia and other countries of the post-Soviet space.

Results. The article demonstrates the evolution of the attitude of researchers to the investigative testimony of the OGPU-NKVD. In the 1990s investigative testimonies were treated solely as counterfeit, but already in the early 2000s historians were convinced that this type of sources has a unique informational potential. The article shows that, to date, the investigative testimony of the Stalin era has been widely used by both domestic and foreign historians; however, the methods of working with this type of sources remain unclear. The article discusses the main methodological approaches to working with investigative testimonies, gives basic recommendations on the method of verifying the credibility of this type of sources.

Conclusions. The verification of testimonies obtained by OGPU-NKVD authorities is a time-consuming, but solvable task. Exposing investigative testimonies of the Stalin period to source criticism, researchers can find a lot of valuable evidence missing from other types of sources.

Key words: investigative case, NKVD, OGPU, source studies.

Произошедшая после распада СССР «архивная революция» в России и других странах постсоветского пространства открыла для историков возможность использовать в своих исследованиях ранее недоступные массивы документов советского периода. Открытие архивов, способствовавшее стремительному пересмотру представлений о советском периоде отечественной истории, стало для исследователей одновременно и огромной радостью, и серьезным научным вызовом. Ранее историкам не приходилось сталкиваться со многими видами исторических источников, ставших доступными после распада СССР. Неизбежно возникал вопрос: как исследователю работать с подобными документами?

Чуть ли не в первую очередь вопросы вызывали показания репрессированных советскими органами госбезопасности, отложившиеся в архивно-следственных делах. Насколько можно было доверять информации, содержащейся в этих показаниях? Не была ли она сфальсифицирована следовате-

лем, не была ли жестоком образом «выбита» из обвиняемого? Ставшие доступными в период перестройки многочисленные воспоминания репрессированных о пережитых ими в ходе следствия пытках задавали гиперкритическое отношение как к архивно-следственным делам в целом, так и к содержащимся в них показаниям обвиняемых (в равной степени и к протоколам допросов, и к собственноручным показаниям).

В опубликованной в 1995 г. статье «Следственные дела как исторический источник» доктор исторических наук А. Л. Литвин (на тот момент заведующий кафедрой историографии и источниковедения Казанского государственного университета) писал: «Эти дела по праву называют сфабрикованными ОГПУ-НКВД. Вероятно, здесь одна из причин – отсутствие источниковедческого анализа подобного рода источников. Действительно, зачем обращаться к документу, если уверен в его фальсифицированном содержании... Следственные дела времен Большого Террора – исторический источник российского тоталитаризма, свидетельство его беспощадности, тупой жестокости, отсутствия признания им каких-либо прав человека и человечности» [1].

А. Л. Литвин был не одинок в своем восприятии содержащихся в архивно-следственных делах показаний обвиняемых как заведомо недостоверного источника; в научной литературе неоднократно звучали утверждения, что в этих документах содержится «одна ложь» и что они «не могут считаться полноценным историческим источником» [2–4].

При подобном отношении к архивно-следственным делам не приходится удивляться тому, что предпринятая в 1998 г. публикация следственного дела академика Е. В. Тарле, проходившего по так называемому «Академическому делу» 1929–1931 гг. [5], вызвала негативные отклики в прессе. «Зачем нужна публикация самих документов, если мы знаем, какая им цена? Разве недостаточно для “введения в научный оборот” указания шифров этих документов в архиве? – возмущалась О. П. Лихачева (к слову сказать, внучка проходившего по делу академика Н. П. Лихачева). – Я считаю, что от такой публикации происходит огромный (и, может быть, задуманный) вред – возможность унижить и опорочить представителей настоящей интеллигенции» [6].

Публикаторы «Академического дела» Б. В. Ананьич и В. М. Панеях возражали против подобных обвинений. По их мнению, даже сфальсифицированные следственные материалы политических процессов должны были быть опубликованными, ведь отсутствие подобных публикаций увеличивает вероятность того, что в качестве «достоверной» будет воспринята версия следствия [7]. Кроме того, отмечали публикаторы, даже из сфальсифицированных показаний обвиняемых можно извлечь достоверные факты – хоть это и является сложной источниковедческой задачей [8, 9].

Подобное заявление было симптоматичным: в процессе углубленного изучения архивно-следственных дел советского периода историки все чаще убеждались, что даже в заведомо сфабрикованных и неправосудных делах в показаниях обвиняемых встречается информация достоверная и уникальная. Анализируя опубликованные в 1999 г. материалы следственного дела Н. И. Вавилова, историк Я. Г. Рокитянский назвал написанные академиком на следствии собственноручные показания «последними выступлениями ученого». «В записках речь шла о работе в ВИРе (Всероссийском институте растениеводства), о его советских и зарубежных коллегах, зарубежных поездках.

В чем-то эти тексты отражали тактику Вавилова на предварительном следствии, в чем-то они полностью соответствовали истине, не преломляясь в кривом зеркале тех обстоятельств, в которых они были написаны. В совокупности эти записки, протоколы и стенограммы допросов, очные ставки – важный источник не только биографии ученого, но и истории генетики и биологии в 20–30-х гг., требующий особо подхода и понимания» [10, с. 85]. В предисловии к опубликованному несколькими годами позже сборнику материалов следственного дела другого известного ученого, Н. В. Тимофеева-Ресовского, Я. Г. Рокитянский повторил и усилил эту мысль, охарактеризовав содержащиеся в деле протоколы допросов как «ценный биографический материал обо всех этапах жизни и работы Тимофеева-Ресовского в Германии». «По существу, – отмечал Рокитянский, – перед нами целый комплекс неизвестных воспоминаний Тимофеева-Ресовского в форме диалога с лубянским следователем» [11, с. 122].

К схожим выводам впоследствии пришел также и историк А. В. Репников, один из публикаторов материалов следственного дела В. В. Шульгина. «Протоколы допросов и собственноручные показания представляют собой источник, близкий по характеру к мемуарам, – отмечал он. – Круг отраженных в них вопросов определялся интересами следствия, целью которого, в частности, было изобличить допрашиваемых в преступлениях. Это были “вынужденные воспоминания”, а от ответов подследственных зависела их судьба или жизнь, что не могло не влиять на достоверность сообщаемых ими сведений» [12, с. 22]. Историк также обратил внимание на то, что показания, данные на следствии, в некоторых аспектах могут оказаться более точными, чем воспоминания. Так, в частности, «при параллельном анализе и сравнении материалов следственного дела и воспоминаний Шульгина удалось выявить ряд случайных или намеренных неточностей, допущенных Шульгиным в его воспоминаниях» [13, с. 185].

Мнения о ценности материалов следственных дел как исторического источника придерживался и историк А. Ю. Ватлин, исследовавший фонд архивно-следственных дел по политическим преступлениям, переданный в середине 1990-х гг. на постоянное хранение из архива Управления ФСБ по Москве и Московской области в Государственный архив Российской Федерации. Одним из первых исследователь отметил, что для изучения деятельности органов госбезопасности в период Большого Террора 1937–1938 гг. полезно привлекать показания осужденных впоследствии сотрудников НКВД. «На допросах они давали развернутые показания об атмосфере, царившей в органах госбезопасности в тот период, о давлении начальства и методах выполнения спущенных сверху контрольных цифр. Впрочем, и к этим признаниям следует относиться осторожно – методы их выбивания практически не изменились по сравнению с 1937–1938 гг.» [14, с. 8, 9].

Эту мысль развил новосибирский историк А. Г. Тепляков, активно использовавший показания арестованных чекистов в качестве источника для своей монографии о деятельности органов ОГПУ-НКВД в Сибири. Он отмечал: «Оценивая источники по карательной политике и практике ОГПУ-НКВД, следует учитывать особую ценность протоколов допросов сотрудников госбезопасности и милиции, которые как в 1938–1941 гг., так и в 50-е – 60-е годы давали в НКВД-КГБ показания о своей репрессивной деятельности.

Это массовый и очень ценный источник о внутренней жизни карательного ведомства, позволяющий увидеть и понять действие механизма репрессий... Несмотря на необходимость критического подхода к подобным документам, следует отметить, что сведения об атмосфере в органах НКВД, арестах и допросах, уверенности или сомнениях чекистов в их правильности, соревновании в репрессиях, подробности уничтожения людей – все это проверяется и дополняется информацией уцелевших жертв репрессий, материалами внутриведомственных и прокурорских проверок и в основном соответствует действительности. Таким образом, в наиболее существенных аспектах показания чекистов отличаются высокой степенью достоверности» [15, с. 23, 24].

Высказанная А. Г. Тепляковым точка зрения о ценности следственных показаний чекистов получила поддержку исследователей; впоследствии в свет вышел целый ряд публикаций материалов следственных дел руководителей и рядовых сотрудников советских органов госбезопасности. Показания арестованных за «нарушения социалистической законности» чекистов неоднократно использовались историками для изучения механизмов репрессий 1937–1938 гг. [16].

Изменялось отношение историков и к показаниям других категорий репрессированных. Историки В. Н. Хаустов и Л. Самуэльсон отмечали: «Наряду с абсурдными, не подкрепленными никакими, кроме личных признаний, доказательствами обвинениями в шпионской, заговорщической и другой контрреволюционной деятельности, в этих документах содержатся ценные сведения, которые невозможно найти ни в каких других источниках. Репрессированные представители партийно-советской номенклатуры, военнослужащие давали достоверную информацию о положении в различных сферах общества, личных взаимоотношениях, оценки внутренней и внешней политики советского государства, проводимой Сталиным» [17, с. 7]. Как источник достоверной информации о настроениях офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны использует показания на следствии ОГПУ историк А. В. Ганин [18], а публикаторы следственного дела патриарха Тихона отмечали, что протоколы допросов «являются основным источником, демонстрирующим эволюцию взглядов Патриарха и других лиц подследственных» [19, с. 55].

Изучая показания, данные на следствии в 1930 г. журналистом А. Гарри, историки литературы О. И. Киянская и Д. М. Фельдман характеризуют их как «прекрасный источник по истории как советской, так и зарубежной журналистики 1920–1930-х годов» [20, с. 321]. Вполне достоверным источником оказались и исследованные сотрудником радио «Свобода» М. В. Соколовым показания ряда арестованных органами госбезопасности представителей русской политической эмиграции. Так, в развернутых показаниях задержанного в 1931 г. члена Российского общевоинского союза А. А. Потехина дана объективная картина жизни русских эмигрантов в Чехословакии, а в послевоенных показаниях одного из основателей политического евразийства П. Н. Савицкого приводятся чрезвычайно ценные данные об обстоятельствах его нелегального визита в СССР в начале 1927 г. [21, 22].

Начиная с середины 2000-х гг. в научный оборот начали активно вводиться протоколы допросов и собственноручные показания германских генералов и высокопоставленных чиновников Третьего рейха, командного состава

ва коллаборационистских формирований, агентуры германских разведорганов в странах-лимитрофах [23, 24]. Эти многочисленные публикации стали еще одним весомым аргументом в пользу значимости материалов архивно-следственных дел как исторического источника, ведь достоверность содержащейся в этих показаниях информации оказалась весьма высокой.

Российские историки В. С. Христофоров и В. Г. Макаров, благодаря многолетней работе которых общественности стали доступны многие материалы следственных дел в отношении нацистских преступников, отмечают достоверность сообщавшейся подследственными информации. Проанализировав рассказы германских генералов о пребывании в советском плену, они резюмируют: «Из рассказов бывших пленников видно, что физического насилия, столь распространенного по отношению к собственным гражданам, к генералам вермахта в советском плену спецслужбы не применяли... Можно утверждать, что рассказы военнопленных немецких генералов о событиях предвоенной истории Германии и Второй мировой войны вполне достоверны, хоть и отражают субъективную оценку событий, очевидцами которых они являлись» [23, с. 13, 14]. К аналогичному выводу приходит историк Д. Ю. Хохлов, следующим образом охарактеризовавший публикации материалов следственных дел, подготовленных В. С. Христофоровым и В. Г. Макаровым: «Комплекс этих материалов представляет большую научную ценность, поскольку содержит значительный объем новой, ранее неизвестной информации. Она существенно расширяет возможности для более глубокого анализа и оценки исторических событий, позволяет точнее восстановить логику происходившего, понять взаимосвязь отдельных явлений и выявить факторы, повлиявшие на принятие важнейших военных и политических решений» [25].

Схожие выводы относительно значимости ряда показаний обвиняемых, отложившихся в архивно-следственных делах, делают и историки других стран. Еще в начале 1990-х гг. прибалтийскими историками были частично опубликованы показания, в 1940–1941 гг. данные органам НКВД руководителями стран Прибалтики – К. Пятсом и Й. Лайдонером (Эстония), К. Улманисом и В. Мунтерсом (Латвия), А. Вольдемарасом (Литва), а также некоторыми сотрудниками германской военной разведки. Высокую достоверность показаний руководящего работника Абвера Г. Пикенброка и главнокомандующего армией Эстонии Й. Лайдонера отмечает известный эстонский историк М. Ильмярв: «В архивных материалах есть немало документальных свидетельств, подтверждающих истинность показаний Лайдонера и Пикенброка, полученных под нажимом советских органов безопасности», – констатирует исследователь [26, с. 220].

Современные литовские историки, анализируя протоколы допросов арестованных в июне 1941 г. органами НКВД руководителей подпольного Вильнюсского центра Фронта литовских активистов (ЛАФ), отмечают, что, несмотря на то что эти источники следует использовать «с некоторыми оговорками», с их помощью «можно довольно точно восстановить наиболее важные события, связанные с Вильнюсским штабом ЛАФ» [27, с. 92, 93]. В качестве достоверных источников привлекаются ими и данные на следствии НКВД показания арестованных сотрудников польской разведки [28, с. 131–151]. Таким образом, ценность протоколов допросов как исто-

рического источника не вызывает у литовских историков особых сомнений – так же, как и у их украинских коллег, предпринявших масштабную публикацию показаний руководящего состава Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. Проведя сравнение показаний арестованных руководителей ОУН-УПА с независимыми историческими источниками, украинские исследователи отметили высокую достоверность содержащейся в этих протоколах допросов информации [29, с. 17].

Столь многочисленные случаи обнаружения в показаниях обвиняемых достоверной и ценной для историков информации, разумеется, не перечеркивают того факта, что во множестве других архивно-следственных делах содержатся недостоверные показания, полученные обманом или «выбитые» следователями. Тем не менее они показывают ошибочность все еще встречающегося в научной литературе представления об «априорной» сфальсифицированности содержащейся в архивно-следственных делах информации обвинительного характера. Ситуация оказалась гораздо более сложной, чем полагали многие исследователи 1990-х гг.: данные на следствии НКВД показания обвиняемых могут носить как ложный, так и достоверный характер.

Но как же отличить достоверную информацию от ложной? Несмотря на то что следственные показания используются историками более чем активно, методология работы с этим видом источников в большинстве случаев остается не проясненной. «По этой теме... мы никогда и ничего не поймем», – меланхолично писал в 1997 г. в своем лекционном курсе «Источниковедение истории советского общества» В. В. Кабанов [30, с. 309]. Двадцать лет спустя изменилось немного: в подавляющем большинстве современных пособий по источниковедению отечественной истории новейшего времени следственные показания даже не упоминаются в качестве отдельного вида источников [31, 32], что наглядно свидетельствует о все еще царящей в научном сообществе методологической растерянности.

Тем не менее к настоящему времени разработано несколько подходов к работе со следственными показаниями сталинской эпохи. Пионерами в этом деле стали петербургские историки Б. В. Ананьич и В. М. Панеях, принимавшие участие в подготовке публикации уже упоминавшегося «Академического дела». Характеризуя полученные ОГПУ в рамках этого дела показания как результат «принудительного соавторства» подследственного и следователя, Б. В. Ананьич и В. М. Панеях, тем не менее, были убеждены в возможности выявления в следственных показаниях достоверной информации [8, 9]. Обратив внимание на наличие в протоколах допросов чужеродной для подследственных лексики, историки пришли к выводу: при анализе показаний обвиняемых необходимо провести работу по выявлению обвинительного «сценария» (как правило, задававшегося следователям ОГПУ-НКВД высшим партийным руководством); после этого «необходимо отбросить те элементы показаний, которые фиксируют общие места, установленные на основании сравнения близких по времени и составу обвиняемых следственных “дел”, с однотипными лексическими оборотами и штампами» [8, с. 346].

Таким образом, основой сформулированного Б. В. Ананьичем и В. М. Панеяхом методологического подхода становилась презумпция недостоверности любых показаний, совпадающих с линией обвинения; историкам предлага-

лось искать достоверную информацию в случайных свидетельствах подследственного, не укладывающихся в обвинительный «сценарий».

Вполне очевидно, что применимость подобного методологического подхода сильно ограничена; он работает только в отношении тех крупных политических дел, в отношении которых установлен их стопроцентно сфабрикованный характер. Во всех остальных случаях применение данного подхода приводит к неизбежным и неустраняемым ошибкам. Так, в частности, некритическое применение «сценарного» метода Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха к следственным показаниям декабристов породило абсурдный вывод о «сфабрикованности» декабристского дела, равно как и дел всех других тайных обществ начала XIX в. [33].

Формулируя «сценарный» метод выявления достоверной информации в следственных показаниях, Б. В. Ананьич и В. М. Панеях имели перед глазами лишь материалы «Академического дела». Последующее расширение круга доступных для исследователей архивно-следственных дел продемонстрировало, что выявление достоверной информации в показаниях обвиняемых по «обычным» делам ОГПУ является более простой задачей. В специальной работе, посвященной судебной-следственной документации НКВД, на это обратил внимание С. В. Журавлев: «Конечно, процессуальные нарушения имели место в 1930-е годы и в ходе следствия по “рядовым” политическим делам, однако здесь, с одной стороны, все делалось грубее и проще, а с другой – откровенные смысловые фальсификации и подтасовки документации следователями не носили массового характера, так как в этом не было необходимости» [34, с. 169, 170].

Как отмечает далее С. В. Журавлев, целиком «состряпанные» протоколы допросов сравнительно легко вычислить: «Во-первых, в силу явной абсурдности и противоречивости содержащихся в них данных, во-вторых, поскольку при составлении “липы” следователи не особенно заботились о правдоподобии вымысла, в-третьих, на основании фактов, имен или деталей, которые есть возможность перепроверить с помощью других источников» [34, с. 186]. В более сложных случаях, когда речь идет о своеобразном «коллективном творчестве» сломленного подследственного и следователя, фальсифицированные элементы показаний также могут быть выявлены исследователем: «Такого рода вынужденное “коллективное творчество” лучше всего выдают логические нестыковки и неправдоподобные детали в отношении обстоятельств вербовки, полученного задания, связанных и переданных им материалов, других участников шпионской группы и др.» [34, с. 187].

В полном соответствии с традициями отечественного источниковедения, С. В. Журавлев считает необходимым проводить полноценный анализ обстоятельств появления следственных показаний, включающий установление хронологии следственных действий, личностей следователей, динамики поведения подследственного. Что же касается непосредственно проверки достоверности содержащейся в показаниях информации, то ее, по мнению С. В. Журавлева, также следует осуществлять традиционным методом: путем привлечения независимых источников. «На первом этапе сведения об одном и том же факте или событии проверяются путем сопоставления показаний разных арестованных, содержащихся в различных следственных делах, зачастую ведшихся разными следователями в разный хронологический проме-

жуюток времени. На втором этапе данные, полученные на следствии, анализируются при помощи других источников, прежде всего документов государственных и личных архивов, а также воспоминаний, материалов “устной истории” и др.» [34, с. 202, 203].

Предлагаемая ниже методика проверки достоверности информации, содержащейся в следственных показаниях сталинской эпохи, в своей основе базируется именно на рекомендациях С. В. Журавлева. Однако прежде чем перейти к изложению этой методики, мы позволим себе несколько наблюдений уточняющего характера.

Необходимо понимать, что применяемые следователем методы в значительной степени зависят от стоящих перед ним задач. Задачей следователя может быть осуждение подсудимого; в этом случае он будет пытаться зафиксировать показания, свидетельствующие о вине подсудимого, и передать дело на рассмотрение судебных или чрезвычайных судебных органов. Если же при этом начальство требует расследовать дела в отношении арестованных как можно быстрее (в 1937–1938 гг., например, заранее определялось количество признаний, которых должен был добиться в течение суток каждый следователь от арестованных), то в ход практически неизбежно идут различные методы получения требуемых показаний, включая и физическое воздействие.

Когда же перед следователем стоит задача не только подготовить дело обвиняемого к передаче в судебные органы, но и получить показания, имеющие оперативный интерес для органов госбезопасности, ситуация резко меняется. Следственная работа носит более тщательный характер, направлена на получение максимально достоверной информации, в том числе не имеющей прямого отношения к предъявленному обвинению. В «учебниках по чекистской работе» того времени специально обращалось внимание на необходимость выявления в ходе следствия информации, пригодной «не только для изучения методов работы противника, но и для использования добытых явок и каналов связи противника в контрразведывательных целях» [35, с. 198].

При постановке перед следователем подобной задачи возможность применения мер физического воздействия к подсудимому хоть и не исчезает полностью (об этом наглядно свидетельствуют пытки, применяемые в наше время разведывательными органами США в отношении лиц, подозреваемых в причастности к террористическим организациям [36]), но существенно сокращается. Перед следователем также не встает задача по «выбиванию» заведомо ложных показаний, ведь ложные показания подсудимого не могут быть использованы в оперативных целях. Приведенные в предыдущем разделе оценки исследователями достоверности показаний арестованных чекистов, представителей германской военной и дипломатической элиты, руководителей подпольных антисоветских организаций наглядно подтверждают данный тезис.

Стоит также отметить, что вопреки мнению многих исследователей наличие в тексте протоколов допросов нехарактерной для подсудимого «саморазоблачающей» лексики само по себе не является доказательством сфальсифицированности этих показаний. Выявление и отслоение чужеродной лексики, оценок и характеристик, безусловно, является одной из задач исследователя-источниковеда применительно к следственным документам любой

эпохи, однако преувеличивать значимость наличия в протоколе чужеродных элементов не следует. Протоколы допросов записывались следователем (и записываются в наше время) лишь «по возможности дословно» [37, с. 208; 38, с. 112–114; 39, с. 49]; задачей протокола является не стенографическая фиксация речи подследственного, а юридическое оформление данных им показаний. Вследствие этого показания практически неизбежно содержат характерную для составлявшего протокол следователя лексику даже тогда, когда точно передают суть показаний допрашиваемого. Увлечшись выявлением чужеродной лексики в следственных показаниях, можно легко объявить «сфальсифицированными» достоверные свидетельства.

По нашему мнению, проверка достоверности следственных показаний сталинской эпохи должна проводиться в два этапа.

На **первом этапе** представляется необходимым установить следующее:

1. *К рассмотрению в каком порядке готовилось следственное дело: открытом судебном, закрытом судебном или внесудебном?* В случае, если дело готовилось для рассмотрения в рамках открытого политического процесса, его материалы с большей степенью вероятности могут оказаться сфальсифицированными.

2. *Какая задача стояла перед следователем: юридическая фиксация компрометирующих подследственного материалов с целью завершения дела или получение информации оперативного характера?* Ответ на данный вопрос может быть получен путем сопоставления предъявленных подследственному обвинений с вопросами, задаваемыми на допросах следователем. Когда вопросы следователя регулярно выходят за рамки предъявленных обвинений, носят настойчивый и детальный характер, можно сделать вывод о том, что задачей следователя является получение информации оперативного характера. Выяснение личности следователя, круга и характера дел, которые одновременно он вел, также дает возможность понять логику следственных действий.

3. *Существуют ли свидетельства о применении следователем пыток или иных форм принуждения к даче недостоверных показаний?* Такими свидетельствами могут быть заявления, сделанные подследственным в ходе следствия, на судебном заседании или в процессе реабилитации, материалы реабилитационных процессов 50-х – 60-х гг., показания арестованных за нарушение «социалистической законности» чекистов, воспоминания очевидцев. Также полезно обратить внимание на фигуру ведущего дело следователя и выяснить, нет ли данных о применении им пыток при расследовании других дел. Если достоверно установлено, что следователь ранее уже применял пытки по отношению к подследственным, то велика вероятность, что пытки применялись и в изучаемом деле.

4. *Не носят ли показания подследственного шаблонный и расплывчатый характер, свидетельствующий о возможной фальсификации их следователем?*

5. *Не происходило ли во время следствия резкой смены поведения обвиняемого?*

Отвечая на перечисленные вопросы, исследователь формирует *предварительное впечатление* о специфике изучаемого архивно-следственного дела и, следовательно, получает возможность *выдвинуть предположения* о нали-

чии или отсутствии фальсификаций в содержащихся в деле показаниях репрессированного.

На **втором этапе** изучения архивно-следственного дела исследователю необходимо дать ответ на один-единственный вопрос: «Подтверждаются ли показания, данные на следствии, независимыми источниками?» Ответ на этот вопрос – своего рода *ultima ratio*; он позволяет подтвердить или опровергнуть сформулированные исследователем на предыдущем этапе предположения и дать обоснованный ответ на вопрос о степени достоверности сообщаемой подследственным информации.

Мы можем точно знать, что дело носило публичный политический характер, что подследственный внезапно менял свои показания, что следователь применял пытки. Однако если зафиксированная в протоколах допросов информация подтверждается независимыми источниками – с источниковедческой точки зрения все это не имеет значения, вопрос о достоверности полученных на следствии показаний решен.

Разумеется, при проверке достоверности следственных показаний исследователю необходимо подходить к делу максимально ответственно и использовать методику двойной перепроверки данных.

К сожалению, довольно часто проверить достоверность полученных в ходе следствия показаний при помощи независимых источников оказывается либо чрезвычайно трудным, либо и вовсе невозможным. Однако исследователь не должен отказываться от попытки решения этой задачи – ведь в конечном счете, как справедливо отмечает В. С. Измозик, «при критическом отношении к источнику, очищая материалы архивно-следственных дел от откровенной лжи, извращений, подмены высказываний, исследователь может обнаружить немало ценных свидетельств, отсутствующих в других видах документальных материалов, лучше осмыслить саму атмосферу времени, зафиксировать мысли и чувства участников исторического процесса» [40, с. 155].

Библиографический список

1. **Литвин, А. Л.** Следственные дела как исторический источник / А. Л. Литвин // Эхо веков. – 1995. – № 2. – С. 170–176.
2. **Головкова, Л. А.** Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских / Л. А. Головкова // Альфа и Омега. Ученые записки Общества по распространению Священного Писания в России. – 2000. – № 4.
3. **Елпатьевский, А. В.** Следует ли публиковать документы фальсифицированных дел? / А. В. Елпатьевский // Отечественные архивы. – 2000. – № 5.
4. **Романова, С. Н.** «Дела по обвинению» православного духовенства и мирян, 1937–1938 гг. / С. Н. Романова // Отечественные архивы. – 2001. – № 4.
5. Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. – СПб., 1998. – Ч. 1–2.
6. **Лихачева, О. П.** Кто бросит камень по праву безгрешного / О. П. Лихачева // Невское время. – 1998. – 14 ноября.
7. **Панеях, В. М.** К спорам об «Академическом деле» 1929–1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах / В. М. Панеях // Россия и проблемы современной истории: Средневековье, новое и новейшее время : сб. ст. в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. – М., 2003.

8. **Ананьич, Б. В.** «Академическое дело» как исторический источник / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Исторические записки. – М., 1999. – Вып. 2 (120).
9. **Ананьич, Б. В.** Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.». Вып. 1) / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // In memorem. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. – М.; СПб., 1995.
10. **Рокитянский, Я. Г.** Голгофа Николая Вавилова: биографический очерк / Я. Г. Рокитянский // Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД: Биографический очерк. Документы. – М., 1999.
11. **Рокитянский, Я. Г.** Н. В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Лубянке / Я. Г. Рокитянский // Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского. Документы. – М., 2003.
12. **Репников, А. В.** Из опыта публикации документов следственных дел политического характера / А. В. Репников // Гуманитарный вестник. – 2012. – № 4. – С. 22.
13. **Репников, А. В.** Особенности публикации архивных следственных материалов (на примере подготовки к изданию следственного дела В. В. Шульгина) / А. В. Репников // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на VI Всероссийской научной конференции, 16–17 июня 2009 г. – М., 2009. – С. 185.
14. **Ватлин, А. Ю.** Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. / А. Ю. Ватлин. – М., 2004.
15. **Тепляков, А. Г.** Машина террора. ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. / А. Г. Тепляков. – М., 2008.
16. **Юнге, М.** Возможности и проблемы изучения Большого террора с помощью источников 1938–1941 и 1954–1961 годов (допросы карателей) / М. Юнге // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы Междунар. науч. конф. (г. Смоленск, 9–11 октября 2009 г.). – М., 2011.
17. **Хаустов, В.** Сталин, НКВД и репрессии, 1936–1938 гг. / В. Хаустов, Л. Самуэльсон. – М., 2010. – С. 7.
18. **Ганин, А. В.** Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком / А. В. Ганин. – М., 2016.
19. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / отв. сост. Н. А. Кривова. – М., 2000. – С. 55.
20. **Киянская, О. И.** Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) / О. И. Киянская, Д. М. Фельдман // Вопросы литературы. – 2016. – № 4. – С. 321.
21. **Соколов, М. В.** Евразиец пишет генералиссимусу (По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого) / М. В. Соколов // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2012–2014 год / под ред. М. А. Колерова. – М., 2015.
22. **Соколов, М. В.** Пражский репортаж перед расстрелом: Александр Потехин. «Лицо эмиграции» (1932) / М. В. Соколов // Русский сборник. Исследования по истории России. – М., 2014. – Т. XVI.
23. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944–1951 / сост. В. Г. Макаров, В. С. Христофоров. – М., 2009.
24. **Дюков, А. Р.** «Протекторат Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и не реализованный сценарий утраты литовской независимости / А. Р. Дюков. – М., 2013.
25. **Хохлов, Д. Ю.** Архивные уголовные дела как источник по истории Второй мировой войны / Д. Ю. Хохлов // Труды Института российской истории РАН. – М., 2014. – Вып. 12.

26. **Ильмярв, М.** Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / М. Ильмярв. – М., 2012.
27. **Bubnys, A.** Lietuvių tautos sukilimas: 1941 m. birželio 22–28 d. / A. Bubnys, S. Jegelevičius, S. Knezys, A. Rukšėnas. – Vilnius, 2011.
28. **Bubnys, A.** Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pogrindis 1939–1945 m. / A. Bubnys. – Vilnius, 2015.
29. Літопис УПА. Нова серія. Т. 9: Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА, 1944–1945 / упор. О. Іщук, С. Кокін. – Київ ; Торонто, 2007.
30. **Кабанов, В. В.** Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В. В. Кабанов. – М., 1997.
31. Источниковедение : учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М., 2015.
32. **Сиренов, А. В.** Источниковедение : учеб. для академического бакалавриата / А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин. – СПб., 2015.
33. **Эдельман, О. В.** Рец. на ст.: Потапова, Н. Д. «Что есть истина?»: Критика следственных показаний и смена исторических парадигм (еще один взгляд на проблему «движения декабристов») / Н. Д. Потапова // Исторические записки. – 2000. – Вып. 3 (121). – С. 285–329 / О. В. Эдельман // Вестник Европы. – 2002. – № 4.
34. **Журавлев, С. В.** Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация / С. В. Журавлев // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А. К. Соколова. – М., 2004.
35. Японская разведка / сост. А. А. Гузовский, Г. М. Чайковский. – М., 1940.
36. The Senate Intelligence Committee Report on Torture. Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention and Interrogation Program. – Brooklyn ; London, 2014.
37. Криминалистика. Книга 1: Техника и тактика расследования преступлений : учеб. для слушателей правовых ВУЗов / под ред. А. Я. Вышинского. – М., 1935.
38. **Рыжак, А. П.** Допрос: основания и порядок производства / А. П. Рыжак. – М., 2014. – С. 112–114.
39. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1935.
40. **Измозик, В. С.** Архивно-следственные дела 1920–1930-х гг. как исторический источник / В. С. Измозик // Исторические чтения на Лубянке. 15 лет. – М., 2012.

References

1. Litvin A. L. *Ekho vekov* [The echo of centuries]. 1995, no. 2, pp. 170–176.
2. Golovkova L. A. *Al'fa i Omega. Uchenye zapiski Obshchestva po rasprostranenyi Svyashchennogo Pisaniya v Rossii* [Alpha and omega. Proceedings of the Society of the Sacred Scriptures Dissemination in Russia]. 2000, no. 4.
3. Elpat'evskiy A. V. *Otechestvennye arkhivy* [National archives]. 2000, no. 5.
4. Romanova S. N. *Otechestvennye arkhivy* [National archives]. 2001, no. 4.
5. *Akademicheskoe delo 1929–1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Vyp. 2: Delo po obvineniyu akademika E. V. Tarle* [The academic case of 1929–1931. Documents and materials of the investigative case, produced by OGPU. Issue 2: Accusation of academician E. V. Tarle]. Saint-Petersburg, 1998, part 1–2.
6. Likhacheva O. P. *Nevskoe vremya* [Neva time]. 1998, 14 Nov.
7. Paneyakh V. M. *Rossiya i problemy sovremennoy istorii: Srednevekov'e, novoe i novoyshhee vremya: sb. st. v chest' chlena-korrespondenta RAN S. M. Kashtanova* [Russia and modern historical problems: the Middle Ages, modern and contemporary history: collected articles devoted to a correspondent member of RAS S. M. Kashtanov]. Moscow, 2003.

8. Anan'ich B. V., Paneyakh V. M. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 1999, iss. 2 (120).
9. Anan'ich B. V., Paneyakh V. M. *In memoriam. Istoricheskiy sbornik pamyati F. F. Perchenka* [In memoriam. Historical collection commemorating F. F. Perchenk]. Moscow; Saint-Petersburg, 1995.
10. Rokityanskiy Ya. G. *Sud palacha. Nikolay Vavilov v zastenkakh NKVD: Biograficheskiy ocherk. Dokumenty* [Executioner's court. Nikolay Vavilov behind bars of NKVD: a biographic essay. Documents]. Moscow, 1999.
11. Rokityanskiy Ya. G. *Rassekrechenny Zubr. Sledstvennoe delo N. V. Timofeeva-Resovskogo. Dokumenty* [The declassified bison. The envestigative case of N. V. Timofeev-Resovsky. Documents]. Moscow, 2003.
12. Repnikov A. V. *Gumanitarnyy vestnik* [Humanitarian bulletin]. 2012, no. 4, p. 22.
13. Repnikov A. V. *Arkhivovedenie i istochnikovedenie otechestvennoy istorii. Problemy vzaimodeystviya na sovremennom etape. Doklady i soobshcheniya na VI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 16–17 iyunya 2009 g.* [Archival and source studies in Russian history. Interaction problems at the contemporary stage. Reports and speeches of VI All-Russian scientific conference, June 16th–17th, 2009.]. Moscow, 2009, p. 185.
14. Vatlin A. Yu. *Terror rayonnogo masshtaba. «Massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom rayone Moskovskoy oblasti, 1937–1938 gg.* [District-scale terror. “Massive operations” by NKVD in Kuntsevo district of Moscow region, 1937–1938]. Moscow, 2004.
15. Teplyakov A. G. *Mashina terrora. OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The terror machine. OGPU-NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow, 2008.
16. Yunge M. *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Smolensk, 9–11 oktyabrya 2009 g.)* [The history of Stalinism: the repressed Russian province: proceedings of an International scientific conference (Smolensk, October 9th–11th, 2009)]. Moscow, 2011.
17. Khaustov V., Samuel'son L. *Stalin, NKVD i repressii, 1936–1938 gg.* [Stalin, NKVD and repressions, 1936–1938]. Moscow, 2010, p. 7.
18. Ganin A. V. *Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom* [The routine of general staff officers during the rule of Lenin and Trotsky]. Moscow, 2016.
19. *Sledstvennoe delo patriarkha Tikhona. Sbornik dokumentov po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF* [The investigative case of partriarch Tikhon. Collected documents by materials of the central archive of FSB RF]. Resp. comp. N. A. Krivova. Moscow, 2000, p. 55.
20. Kiyanskaya O. I., Fel'dman D. M. *Voprosy literatury* [Problems of literature]. 2016, no. 4, p. 321.
21. Sokolov M. V. *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 2012–2014 god* [Research on the Russian thought history: yearbooks of 2012–2014]. Moscow, 2015.
22. Sokolov M. V. *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection. Researches on Russian history]. Moscow, 2014, vol. XVI.
23. *Generaly i ofitsery vermakhta rasskazyvayut... Dokumenty iz sledstvennykh del nemetskiikh voennoplennykh, 1944–1951* [Wehrmacht generals and officers speak... Documents from nvestigative cases of german prisoners of war, 1944–1951]. Comp. V. G. Makarov, V. S. Khristoforov. Moscow, 2009.
24. Dyukov A. R. *«Protektorat Litva». Taynoe sotrudnichestvo s natsistami i nerealizovannyi stsensariy utraty litovskoy nezavisimosti* [“Lithuanian protectorate”. Secret cooperation with Nazis and the unrealized scenario of Lithuania's independence loss]. Moscow, 2013.
25. Khokhlov D. Yu. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of RAS]. Moscow, 2014, iss. 12.
26. Il'myarv M. *Bezmolvnaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdu dvumya voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii*

- v 1940) [Silent capitulation. External policies of Estonia, Latvia and Lithuania between two wars and the loss of independence (from mid 1920s till annexation in 1940)]. Moscow, 2012.
27. Bubnys A., Jegelevičius S., Knezys S., Rukšėnas A. *Lietuvių tautos sukilimas: 1941 m. birželio 22–28 d.* [The Uprising of Lithuanian People: June 22nd–28th, 1941]. Vilnius, 2011.
28. Bubnys A. *Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pogrindis 1939–1945 m.* [Resistance movements in Lithuania during World War II: Polish underground in 1939–1945]. Vilnius, 2015.
29. *Litopis UPA. Nova seriya. T. 9: Borot'ba proti povstans'kogo rukhu i natsionalichnogo pidpillya: protokoli dopitiv zaareshtovanih radyans'kimi organami derzhavnoi bezpeki kerivnikiv OUN i UPA, 1944–1945* [The UPA's chronicle. New Series. Vol. 9: Fight against the insurgent movement and the national branch: protocols of interrogations of the leaders of the OUN and the UPA arrested by the Soviet authorities of states security]. Comp. O. Ishchuk, S. Kokin. Kiev; Toronto, 2007.
30. Kabanov V. V. *Istchnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva: kurs lektsiy* [Source studying in the history of the Soviet society: a lecture course]. Moscow, 1997.
31. *Istchnikovedenie: ucheb. posobie* [Source studying: teaching aid]. Resp. comp. M. F. Rymyantseva. Moscow, 2015.
32. Sirenov A. V., Tverdyukova E. D., Filyushkin A. I. *Istchnikovedenie: ucheb. dlya akademicheskogo bakalavriata* [Source studying: textbook for academic bachelor's degree students]. Saint-Petersburg, 2015.
33. Edel'man O. V. *Vestnik Evropy* [European bulletin]. 2002, no. 4.
34. Zhuravlev S. V. *Istchnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika* [Source studying in the contemporary history of Russia: theory, methodology, practice]. Moscow, 2004.
35. *Yaponskaya razvedka* [Japanese intelligence]. Comp. A. A. Guzovskiy, G. M. Chaykovskiy. Moscow, 1940.
36. *The Senate Intelligence Committee Report on Torture. Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention and Interrogation Program.* Brooklyn; London, 2014.
37. *Kriminalistika. Kniga 1: Tekhnika i taktika rassledovaniya prestupleniy: ucheb. dlya slushateley pravovykh VUZov* [Criminalistics. Book 1: Techniques and tactics if criminal investigation: tutorial for law university students]. Ed. by A. Ya. Vyshinskiy. Moscow, 1935.
38. Ryzhakov A. P. *Dopros: osnovaniya i poryadok proizvodstva* [Interrogation: grounds and procedures]. Moscow, 2014, pp. 112–114.
39. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR* [The Criminal-procedural Code of the RSFSR]. Moscow, 1935.
40. Izmozik V. S. *Istoricheskie chteniya na Lubyanke. 15 let* [Historical reading in Lubyanka. 15 years]. Moscow, 2012.

Дюков Александр Рещидеович
научный сотрудник, Институт
российской истории Российской
академии наук (Россия, г. Москва,
ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: a.dyukov@gmail.com

Dyukov Aleksandr Reshideovich
Researcher, the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19 Dmitriya Ulyanova street, Moscow,
Russia)

УДК 930.2(47).084.5/8:347.943.1

Дюков, А. Р.

К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД / А. Р. Дюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 74–89. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-3-8.